



Богданова О. В. Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» / О. В. Богданова, Г. П. Талашов // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 198—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-198-210.

Bogdanova, O. V., Talashov, G. P. (2021). Legend of Robber Kudeyar and Its Interpretation by N. Nekrasov in Poem “Who Lives Well in Russia”. *Nauchnyi dialog*, 4: 198-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-198-210. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-198-210

Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»

Богданова Ольга Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук,
профессор

olgabogdanova03@mail.ru

Талашов Григорий Петрович²

orcid.org/0000-0003-1910-2595

кандидат филологических наук
gptalashov@mail.ru

¹ Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей»

Legend of Robber Kudeyar and Its Interpretation by N. Nekrasov in Poem “Who Lives Well in Russia”

Olga V. Bogdanova¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Grigory P. Talashov²

orcid.org/0000-0003-1910-2595

PhD in Philology
gptalashov@mail.ru

¹ The Herzen State Pedagogical University
of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

² St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00272 “N. A. Nekrasov: pro et contra. Personality, activity, creative heritage of Nekrasov in the assessments of domestic thinkers and researchers”



ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о релевантности интерпретации и художественного воплощения легенды «О двух великих грешниках», вошедшей в главу «Пир на весь мир» поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Авторы работы акцентируют, что в основе некрасовского эпизода, с одной стороны, лежит знакомый фольклорный сюжет, с другой — он интерпретирован поэтом иначе, чем традиционно принято в народных текстах. В ходе анализа подчеркнуто, что если в фольклоре акцент сделан на образе разбойника Кудеяра, подвергшегося духовному преобразению, то в поэме Некрасова упор перенаправлен на образ «другого разбойника», пана Глуховского, который, в представлении автора поэмы, оказывается «грешнее всех». Уделяется особое внимание аспекту вытеснения Некрасовым нравственных составляющих социальными. Продемонстрировано, что Некрасов подходит к решению стержневого вопроса главы «Кто на Руси грешнее всех?» тенденциозно и устраняется от осмысления триады «грех помещика, грех разбойника, грех крестьянина», предложенной героями-вахлаками, участниками главы «Пир...», но производит сюжетно-смысловую «подмену» и во всех «грешных» эпизодах единственным виновником-грешником признает дворянина, исключительно на социальном уровне противопоставленного крестьянину.

Ключевые слова:

поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; глава «Пир на весь мир»; легенда «О двух великих грешниках»; фольклор; традиция; тенденциозность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers the relevance of the interpretation and artistic embodiment of the legend “About two Great Sinners”, which is included in the chapter “A Feast for the whole World” of the poem by N. Nekrasov “Who lives well in Russia”. The authors emphasize that the Nekrasov episode, on the one hand, is based on a familiar folklore plot, on the other — it is interpreted by the poet differently than is traditionally accepted in folk texts. The analysis pointed out that, if in the folklore emphasis is placed on the image of the robber Kudeyar undergoing spiritual transformation, in the poem of Nekrasov focus redirected to the image of “the other robber”, pan Glukhovskiy, who, in the view of the author of the poem, is the “most sinful of all”. The article pays special attention to the aspect of the displacement of moral components by social ones. It is demonstrated that Nekrasov approach to solving the core issue of the head, “Who in Russia most sinful of all?” biased and removed from understanding the triad of “sin of the landowner, sin of the robber, sin of the peasant” proposed by the heroes of the Chapter “Feast...”, but makes a scene-meaning “substitute” all “sinners” episodes only responsible for the sinner recognizes the nobleman, only at the social level, opposed to the peasant.

Key words:

Nekrasov’s poem “Who lives well in Russia”; the chapter “A Feast for the whole World”; the legend “About two Great Sinners”; folklore; tradition; tendentiousness.



Легенда о разбойнике Кудяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»

© Богданова О. В., Талашов Г. П., 2021

1. Введение

Актуальность изучения поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» обусловлена тем, что в течение долгих десятилетий (если не столетия) творчество поэта рассматривалось исключительно в ракурсе его демократических тенденций и *природа* поэтических текстов писателя оставалась практически без внимания. Исследователями-некрасоведами были созданы весомые, классические — с современной точки зрения — научные труды [Бухштаб, 1989; Гин, 1962; Евгеньев-Максимов, 1953; Евстигнеева, 1971; Мельгунов, 1989; Пайков, 2000; Прийма, 1987; Скатов, 1985 и др.], однако уловимая социальная тенденция в восприятии некрасовского наследия доминировала: поэт неизменно включался в ряд писателей-народолюбцев, борцов за крестьянские права и свободы, однако без учета объективной (существовавшей еще и в XIX веке) критической рефлексии. Потому цель настоящего исследования — проанализировать широко вовлеченные в научный оборот тексты поэта, в частности, изучить поэму «Кому на Руси жить хорошо», но взглянуть на нее с позиции «pro et contra», выделить новые, ранее не акцентированные критикой грани поэтического текста, выявить природу внутренних авторских интенций.

Основными методами, применяемыми в процессе исследования, избраны историко-литературный, сравнительно-типологический, интертекстуальный, поэтологический, комплексность которых позволяет актуализировать новые грани творческого наследия художника, осмыслить разновекторные интенции его поэтики.

Теоретической базой работы послужили фундаментальные труды основоположников сравнительно-сопоставительного литературоведения [Веселовский, 1989; Жирмунский, 1979; Бахтин, 1975; Данилевский, 1984 и др.], научные работы современных отечественных и зарубежных некрасоведов [Кошелев, 1999; Красносельская, 2016; Макеев, 2017; Смирнов, 2009; Luisier, 2005 и др.].

Практическая значимость исследования состоит в том, что наблюдения и выводы могут быть использованы при дальнейшем глубоком и объективном изучении отечественной литературы, включены в общие и специаль-



ные историко-теоретические курсы по русской литературе в ее вузовских и школьных изводах.

2. Композиционные и нарративные особенности главы «Пир на весь мир»

Легенда о разбойнике Кудеяре в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» располагается в последней по времени написания (по сути «заключительной») главе «Пир на весь мир» (1876). Финальная позиция главы заставляет пристальнее взглянуть на нее с различных точек зрения.

В композиционном плане глава «Пир на весь мир» представляет собой череду нанизанных на единый сюжетно-фабульный стержень историй, среди которых три являются главными, так как отвечают на актуализированный в тексте главы вопрос (героев и автора) «Кто на Руси грешнее?». Если первая, концептуальная в контексте главы, история «О холопе примерном — Якове верном» интерпретирует грех помещика-злодея Поливанова, если третья касается «Крестьянского греха», то фольклорная (в основе своей) легенда о Кудеяре появляется в «Пире...» в связи с намерением осмыслить «третий» существующий грех — грех разбойника.

Нарративные слагаемые истории «О двух великих грешниках» опосредованы голосом «смирненного богомола» [Некрасов, 1982, с. 201], «издавна навеща<вшего>> вахлацкую сторонушку, Ионы Ляпушкина. Повествовательному сказу Ионы предшествует череда мелких «промежуточных» соображений (размышлений) повествователя о неких обычаях и случаях, имевших место в мире. Авторские мини-рассказы не имеют никакой (даже опосредованной) связи с главной историей Ионы о разбойнике Кудеяре, носят характер случайный («нередки случаи» [Некрасов, 1982, с. 202]), занимают позицию окказиональную и потому наводят на мысль (поддерживают и укрепляют гипотезу) о совокупности этих мини-эпизодов как предварительном плане главы, череде тех «подготовительных» набросков, которые Некрасов планировал (мог рассматривать) как перспективу поэмы в целом или ее отдельных глав, в частности, необходимого «фактического материала» для завершения поэмы.

Однако, как уже было отмечено исследователями (см. комментарий к полному собранию сочинений [Некрасов, 1982]), в 1872 году эти «мини-наброски» были отринуты, а в 1876 году материала для всех «свернутых» эпизодов не хватило («фактический материал <...> собирать некогда и трудно...» [Кони, 1968, с. 260]). Судьба рассказа Ионы в этих обстоятельствах оказалась счастливой: материал был подарен А. Ф. Кони, и место для него в поэме было найдено.

При чтении главы кажется, что длинной чередой сведений (мини-эпизодов) повествователь пытается предварить историю Ионы и поближе по-



знакомить с героем-рассказчиком, однако нарратор не высвечивает линию жизни персонажа, но знакомит с самим явлением странничества, к которому причастен смиренный Ляпушкин. На этом пути автор оборачивает наррацию неожиданным ракурсом: вместо «подготовительного» рассказа о благочестивом Ионе Некрасов обращается к примерам странничества-«попрошайства» [Некрасов, 1982, с. 202], странничества-воровства, странничества-обмана («дальше Троицы-Сергия он сам-то не бывал» [Некрасов, 1982, с. 202]), вспоминает историю старца-бродяги, посулившего научить деревенских девиц петь, но «перепорти<вшего> всех» [Некрасов, 1982, с. 202]. Готовя к знакомству с Ионой, повествователь не выводит «лицевую сторону» [Некрасов, 1982, с. 203] страннического «промысла», а неожиданно множит истории о бродяжках-богомоллах, их натуре и поведении: вспоминает босого Фомушку, старообрядца Кропильникова, поминает о посадской вдове Ефросиньюшке, героем самостоятельной крестьянской зарисовки оказывается даже кот Васька [Некрасов, 1982, с. 205]. Обилие мелких деталей, которые насыщают «проходные» эпизоды, несоразмерность историй-впечатлений, непрописанность образов случайных (эпизодических) персонажей-странников (которые, как ни парадоксально, наделены собственными именами) свидетельствуют о недоработанности текста, о подмене качества количеством. И это «количество» уводит далеко в сторону от ожидаемого рассказа Ионы, перегружает текст несущественными деталями и косвенными побочными вкраплениями. В стремлении насытить поэму материалом Некрасову, теряющему в результате болезни физические силы, вероятно, было жаль выпускать (пропускать) те или иные заготовки и зарисовки, тот подготовительный экстракт, который не получил развития, но (по мнению некоторых исследователей, прежде всего комментаторов текста, см.: [Некрасов, 1982, с. 675]) превратился в лирические отступления. Однако объяснительно-оправдательная стратегия, предпринимаемая комментаторами к собранию сочинений Некрасова, в данном случае не меняет существа проблемы: лиризации, субъективации или философизации, характерных для жанровых доминант авторского отступления, некрасовский текст не достигает, он перегружен избыточными «прозаизированными» сведениями, мелкими проходными деталями и остается в рамках повествовательно-констатирующего вектора. К лиризации текста эти свернутые отступления-свидетельства отношения не имеют и должны быть сочтены лишь излишними («случайными»).

3. Фольклорные источники истории разбойника Кудеяра

В центре рассказа «божьего странника» Ионушки Ляпушкина стоит образ широко известного в русском фольклоре легендарного разбойника



Кудеяра, то есть ионов рассказ становится своеобразной иллюстрацией к «слову грубому» скупщика-купца Еремина, который, присоединившись к вахлацкому спору о грехе, самыми грешными людьми на земле назвал разбойников:

Кто всех грешней? подумайте! —
«Ну, кто же? говори!»
— Известно кто: разбойники! [Некрасов, 1982, с. 200].

Как известно, легенда о Кудеяре-разбойнике имеет фольклорные корни и в различных вариантах широко распространена в областях центральной России: «Где-где Кудеяр ни разбойничал! И в Калуге, и в Туле, и к Рязани приходил, и к Ельцу, и к Воронежу, и к Смоленску — везде свои станы расставлял и много кладов позарыл в землю...» [Костомаров, 1989, с. 12].

Наиболее полный свод сюжетов по Кудеяру в 1930-е годы собрал и систематизировал профессор-фольклорист Н. П. Андреев [Андреев, 1929; Андреев, 1936]. По наблюдениям ученого, в русском фольклоре наличествуют различные варианты знаменитой легенды (ученый представил в «Указателе...» около полусотни вариантов [Андреев, 1929]), среди которых сюжетное развитие истории может идти (в том числе) и по варианту, близкому некрасовскому, то есть с убийством еще более «лютого» грешника, чем сам разбойник Кудеяр. Однако, согласно наблюдениям Н. П. Андреева, «двойной» сюжет менее популярен в народе (см. также: [Гин, 1962]), но и в случае «сдвоенности», по словам исследователей, в центре легендарного сюжета неизменно остается образ Кудеяра и история его духовного преображения.

Если у Некрасова причиной перерождения героя-разбойника становится наречное *вдруг*:

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил [Некрасов, 1982, с. 207],

то в вариантах, например, из собрания «Фольклора Воронежской области» импульсом к преображению душегуба Кудеяра названы смерти друга и жены:

«У него <у Кудеяра> был товарищ Сим или Симон; однажды они поспорили о силе и ловкости своих коней, порешили для опыта перескочить с Меркуловой горы на Кудеярову через Майров дол, где течет Соколка. Ку-



деяр на своем коне перескочил, но Сим оборвался и упал в долище. В том месте, где он провалился под землю с конем, ударил родник, носящий до сих пор его имя.

Ни с того, ни с сего захворала жена Кудеяра, любимая Настя, и в одночасье померла. Похоронили ее в дубовом гробу, нарядили в парчу и бархат с жемчугами и самоцветами, зарыв с ней вместе в могилу все уборы и драгоценности, принадлежавшие покойнице, и насыпали над нею курган.

Похоронил Кудеяр сразу и друга верного, и жену любимую, постыл ему белый свет. Вспомнил Кудеяр, что он христианин и дал обет — грехи тяжкие замалывать. Всех молодцов своих отпустил и остался один. Завалил все ходы в свое подземное жилье и один под горою стал жить, свои и людские грехи перед Господом замалывать» [Фольклор ..., 1949, с. 127–128].

В процитированном варианте народной легенды эксплицируется больше причинной мотивации (реалистической подосновы), чем в ее литературном варианте, но у Некрасова его *вдруг* оттеняет момент чудесного вмешательства Господа, к которому (кажется) и будут обращены все последующие упования-молитвы заглавного героя. Однако так ли это?

4. Интерпретация народной легенды Некрасовым

Известно, что народная традиция историю Кудеяра (часто) связывает с многочисленными кладами, которые будто бы закопал разбойник — отсюда (как подтверждают специалисты-историки) в центральной России множество Кудеяровых возвышенностей (гор, холмов, городищ) и Кудеяровых оврагов (низин, ям), в которых, по местным преданиям, спрятаны награбленные кудеяровы сокровища, которые (еще) возможно отыскать. Однако Некрасов оставляет в стороне мотив сокровищ и кладов (условно — мотив богатства), но актуализирует фабульную линию грабежа и жестокости, причем не Кудеяра, а «второго разбойника» — пана Глуховского,

Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне [Некрасов, 1982, с. 209].

По словам исследователя В. И. Мельника, из существующих изводов о народном разбойнике Некрасов предпочел самый ««кровавый» вариант легенды» [Мельник, 2001, с. 168].

В беседе с Кудеяром, признаваясь во множестве содеянных грехов, пан Глуховский цинично взывает:

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,



Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю! [Некрасов, 1982, с. 209]

«Дублирующий» сюжет нужен Некрасову для сопоставления «двух великих грешников»: один отдается раскаянию и, следовательно, может уповать на прощение, другой — достоин лишь смерти от ножа, без покаяния и сожаления. Однако мотивация, которую приводит Некрасов для «оправдания» разбойника, аккумулирует в себе некую «двойственность» [Мельник, 2001, с. 171]. По верному наблюдению исследователя, «поэт <...> не всегда различал, так сказать, нравственное содержание подвига» [Мельник, 2001, с. 170], у него происходит «тонкая подмена» [Мельник, 2001, с. 170]. Так, в данном случае Некрасов в отличие от народной легенды смещает акцент с образа разбойника Кудеяра на образ «разбойника» Глуховского, потому реакцией старосты-вахлака Власа по окончании рассказа Ионы становится парадоксальное замечание не об ожидаемой аксиологии жизни и поступков фольклорного разбойника, но о помещике-пане: «Ой, господи! / Велик дворянский грех!» [Некрасов, 1982, с. 210]. По-некрасовски неожиданно (и алогично) доминанта с яркого (и в народе, несомненно, эпицентриского) персонажа, легендарного разбойника Кудеяра, перемещается на образ дворянина-помещика: грех разбойничий подменяется грехом дворянским, нравственное — социальным.

Если народное сознание сосредоточено на спасении души грешника-разбойника («свои и людские грехи перед Господом замаливать» [Кони, 1969, с. 261]), то акцент у Некрасова сдвинут в сторону «греха» пана:

Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал [Некрасов, 1982, с. 209].

И тогда в эпизоде с Кудеяром христианская заповедь «Не убий» переориентируется, обретает обновленную (трансформированную и, как следствие, искаженную в сравнении с фольклором) интерпретацию: наказание, постигшее пана Глуховского, по Некрасову, справедливо и осенено Божьей волей:

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..



*Слава творцу вездесущему
Днесь и во веки веков* [Некрасов, 1982, с. 210].

Трагизм ситуации отвлекает от «безбожной» реинтерпретации, предложенной поэтом («якобы благословленного Богом убийства» [Мельник, 2001, с. 171]), чудо, свершившееся с обновленным (возродившимся) героем, уводит от размышлений о подлинной сущности им содеянного. Всеупомянутая имя и образ Божий, Некрасов по существу выступает поэтом-атеистом, только стилизующим (маскирующим) нарратацию под видимость народного и христианского мировосприятия, по сути же далеко удаляясь от него.

5. Современный взгляд на образ некрасовского Кудеяра

Вольная трактовка библейских (общечеловеческих) постулатов в период расцвета советской атеистической морали могла быть воспринята как народная, а сама поэма — как эпос крестьянской (то есть народной) жизни. Сегодня же должно стать очевидным, что переделки-новации Некрасова несли в себе явные черты *псевдонародности*. Неслучайно песня «Жили двенадцать разбойников», которая входила в сценический репертуар Ф. И. Шаляпина (о чем напоминает едва ли не каждый исследователь, касающийся главы «Пир...»), включала в себя *только* первую часть легенды «О двух великих грешниках», связанную с линией и образом Кудеяра, но никоим образом не касалась фабулы и образа пана Глуховского (шалыпинские вкус и чутье возвращали легенду к истинному народному звучанию).

Легенда «О двух великих грешниках», услышанная смиренным странником Ионой на Соловках и поведенная вахлакам у волжской переправы, из рассказа о грешнике-разбойнике превратилась у Некрасова в главе «Пир на весь мир» (и в предшествующих главах поэмы) в историю о грешнике-помещике, удерживая спор в ранее установившихся в тексте тенденциозных пределах, сосредоточивая размышления о грешниках исключительно на социальном моменте: грешники у Некрасова — это помещики, дворяне, паны. Заявленный к обсуждению купцом Ермиловым грех разбойника аннигилируется, ломая «грешную триаду» (помещик — разбойник — крестьянин, предложенную вахлаками), превращая ее в дуалистическое (устойчиво тенденциозное) некрасовское противостояние: дворянин ↔ простолоудин. Однако и последняя диада вскоре (в следующем по сюжету фрагменте «Крестьянский грех») будет «обнулена» и обращена в монаду.

На фоне приведенных размышлений становятся различимы «строительные леса» (Л. Н. Толстой) поэмы: из нанизанных на сюжетный стержень конспективно свернутых эпизодов Некрасов сознательно (и одновре-



менно случайно — *по случаю* предоставленного ему материала, например, А. Ф. Кони) вычленил и прорабатывал только соответствующие его ведущей идее фрагменты-истории, причем в главе «Пир...» это уже не идея поиска счастливого, но грешника. Поэт вкладывал «конспект» анекдота в уста героя и разворачивал его как предмет спора (грешник-помещик — грешник-разбойник — грешник-крестьянин), намереваясь следовать этой перспективе. Однако желание поэта быть ближе к тяготам судеб народных, крестьянских (а может быть, и болезнь художника) «корректировало» эти позиции и упрощало их, «отвлекало» писателя, сводя многоголосый (поливариативный) спор о *многих грешниках* к сольной партии о единственно признанном Некрасовым и его героями *грешнике-помещике*, сводя «народный эпос» (по сути) к политическому плакату.

6. Выводы

С позиции «pro et contra», изначально принятой для проводимого анализа, можно заключить, что в современных условиях аксиологические ракурсы поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» должны быть существенно скорректированы. Так, можно утверждать, что в главе «Пир на весь мир» при интерпретации истории разбойника Кудеяра Некрасов отходит от народной (фольклорной) традиции и ориентируется на упрощенный (и давно опробованный им в поэме) вариант дихотомичного противостояния «помещик ↔ крестьянин». Интенции нравственного плана, актуализируемые русским фольклором, сдвигаются Некрасовым на фоновый (несущественный) уровень. Традиция религиозного народного мировосприятия вольно корректируется и, как следствие, деформируется, подчиняя глубинные нравственно-моральные опоры русского народа поверхностным и популярным в 60—70-е годы XIX века принципам и приемам демократизма (в том числе и в области литературы). Успешно начатый Некрасовым и органично воплощенный на уровне первой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «эпос народной жизни» к финалу (так и не осуществленному) все больше подчиняется опробованным трафаретным стратегиям, эксплуатируемым поэтом в последние годы его жизни. Последнее происходило по целому комплексу причин, в числе которых как физическое недомогание поэта, ослабленного болезнью, так и убежденность в необходимости поддерживать (ранее сложившийся) авторитет демократически ориентированного писателя. Однако, как бы то ни было, важно констатировать: *народный* пафос поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» по мере выстраивания целостного текста все явственнее подменялся пафосом *народническим*, что существенно ослабляло творческий потенциал создаваемого произведения.



Источники

1. *Костомаров Н. И.* Кудеяр / Н. И. Костомаров. — Москва : Книга, 1989. — 256 с.
2. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений : в 15 томах / Н. А. Некрасов ; ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. — Т. 5 : «Кому на Руси жить хорошо» / ред. Ф. Я. Прийма. — Ленинград : Наука, 1982. — 688 с.
3. *Фольклор* Воронежской области / сост. В. А. Тонков. — Воронеж : Воронежское областное книгоиздательство, 1949. — 298 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов [по системе Аарне] / Н. П. Андреев. — Ленинград : Гос. русское географическое об-во, 1929. — 118 с.
2. *Андреев Н. П.* Русский фольклор / Н. П. Андреев. — Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1936. — 496 с.
3. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
4. *Бухштаб Б. Я.* Н. А. Некрасов : проблемы творчества / Б. Я. Бухштаб. — Ленинград : Советский писатель, 1989. — 349 с.
5. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989. — 404 с.
6. *Гин М. М.* Спор о великом грешнике / М. М. Гин // Русский фольклор : материалы и исследования. — Москва ; Ленинград : Наука, 1962. — Т. 7. — С. 82—98.
7. *Данилевский Р. Ю.* Литературные связи XVIII—XIX вв. / Р. Ю. Данилевский. — Ленинград : Наука, 1984. — 276 с.
8. *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: в 3 частях / М. М. Дунаев. — Москва : Христианская литература, 1997. — Ч. III. — С. 170—185.
9. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Творческий путь Н. А. Некрасова / В. Е. Евгеньев-Максимов. — Москва ; Ленинград : Наука, 1953. — 282 с.
10. *Евстигнеева Л. А.* Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» / Л. А. Евстигнеева // Н. А. Некрасов и русская литература : сборник научных статей. — Москва : Наука, 1971. — 512 с.
11. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1979. — 494 с.
12. *Кони А. Ф.* Статьи и воспоминания о русских литераторах / А. Ф. Кони. — В книге : *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 томах / А. Ф. Кони. — Москва : Юридическая литература, 1966—1969. — Москва : Юридическая литература, 1968. — 6: 695 с.
13. *Кошелев В. А.* «Кому на Руси жить хорошо» : о великой поэме и о вечной проблеме / В. А. Кошелев. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. — 166 с.
14. *Красносельская Ю. И.* Стоит ли искать «ключи от счастья»? (Об источниках и смыслах одного мотива у Некрасова и Салтыкова-Щедрина) / Ю. И. Красносельская // Карабиха: историко-литературный сборник. — Ярославль : Ярославск. кн. изд-во, 2016. — Вып. 9. — С. 127—139.
15. *Макеев М. С.* Николай Некрасов / М. С. Макеев. — Москва : Молодая гвардия, 2017. — 463 с.
16. *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист : малоизученные аспекты проблемы / Б. В. Мельгунов. — Ленинград : Наука, 1989. — 280 с.



17. Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо»: проблема христианского сознания в поэме / В. И. Мельник // Некрасовский сборник / отв. ред. Б. Мельгунов. — Вып. 13. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — С. 166–173.

18. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова: избранные статьи о личности и творчестве поэта / Н. Н. Пайков. — Ярославль : Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. — 120 с.

19. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература / Ф. Я. Прийма. — Ленинград : Наука, 1987. — 264 с.

20. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...»: о творчестве Н. А. Некрасова / Н. Н. Скатов. — Москва : Просвещение, 1985. — 174 с.

21. Смирнов С. Монументализация фантомов : некоторые особенности бытования идеологической биографии Н. А. Некрасова / С. Смирнов // Вопросы литературы. — 2009. — № 6. — С. 77–99.

22. Luisier A. Nikolaj Nekrasov : Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution / A. Luisier. — Zürich: Pano Verlag, 2005. — 301 S.

MATERIAL RESOURCES

Folklore of Voronezh Region. (1949). Voronezh: Voronezh regional publishing house. 298 p. (In Russ.).

Kostomarov, N. I. (1989). *Kudejar.* Moscow: Kniga. 256 p. (In Russ.).

Nekrasov, N. A. (1982). *Collected works: in 5 vol. 5: Who lives well in Russia.* Leningrad: Nauka. 688 p. (In Russ.).

REFERENCES

Andreev, N. P. (1929). *Index of fairy-tale stories (according to the Aarne system).* Leningrad: Russkoe geograficheskoe ob-vo. 118 p. (In Russ.).

Andreev, N. P. (1936). *Russian folklore.* Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. 496 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics.* Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 504 p. (In Russ.).

Bukhshtab, B. Ja. (1989). *N. A. Nekrasov: questions of creativity.* Leningrad: Sovetskij pisatel. 349 p. (In Russ.).

Veselovskiy, A. N. (1989). *Historical Poetics.* Moscow: Vysshaja shkola. 404 p. (In Russ.).

Gin, M. M. (1962). Dispute about the great sinner. In: *Russian folklore. Reading materials.* Moscow; Leningrad: Nauka. 7: 82–98. (In Russ.).

Danilevskiy, R. Ju. (1984). *Literary relations of XVIII–XIX cent.* Leningrad: Nauka. 276 p. (In Russ.).

Dunaev, M. M. (1997). *Orthodox Christianity and Russian literature: in 3 vol.* Moscow: Khristianskaya literatura. III: 170–185. (In Russ.).

Evgenyev-Maksimov, V. E. (1953). *Creative way of N. A. Nekrasov.* Moscow; Leningrad: Nauka. 282 p. (In Russ.).

Evstigneeva, L. A. (1971). Controversial issues of studying of Nekrasov's poem "Who lives well in Russia". In: *N. A. Nekrasov and Russian literature.* Moscow: Nauka. 512 p. (In Russ.).

Zhirmunskij, V. M. (1979). *Comparative Literature Studies.* Leningrad: Nauka. 494 p. (In Russ.).



- Koni, A. F. (1968). Articles and memoirs about Russian writers. In: Koni, A. F. *Collected works: in 8 vol.* Moscow: Juridicheskaya literatura. Moscow: Juridicheskaja literatura. 8: 695 p. (In Russ.).
- Koshelev, V. A. (1999). “Who lives well in Russia”: about the great poem and the eternal problem. Velikiy Novgorod: NovGU im. Ja. Mudrogo. 166 p. (In Russ.).
- Krasnoselskaya, Ju. I. (2016). Is it worth looking for the “keys to happiness”? (About the sources and meanings of one motif in Nekrasov and Saltykov-Shchedrin). *Karabiha*, 9: 127–139. (In Russ.).
- Makeev, M. S. (2017). *Nikolay Nekrasov*. Moscow: Molodaya gvardiya. 463 p. (In Russ.).
- Melgunov, B. V. (1989). *Nekrasov is a journalist. Poorly studied aspects of the problem*. Leningrad: Nauka. 280 p. (In Russ.).
- Melnik, V. I. (2001). “Who lives well in Russia”: problem of Christian consciousness in poem]. In: Melgunov, B. (ed.). *Nekrasovskiy sbornik*. Sankt-Petersburg: Nauka. 13: 166–173. (In Russ.).
- Paykov, N. N. (2000). *Nekrasov's Phenomenon: selected articles about poet's personality and work*. Jaroslavl: Jarosl. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo. 120 p. (In Russ.).
- Priyma, F. Ya. (1987). *Nekrasov and Russian Literature*. Leningrad: Nauka. 264 p. (In Russ.).
- Skatov, N. N. (1985). “Ya liru posvyatil narodu svojemu...”: about Work of N. A. Nekrasov]. Moscow: Prosveshhenie. 174 p. (In Russ.).
- Smirnov, S. (2009). Monumentalization of Phantoms: Some Features of Existence of ideological biography of N. A. Nekrasov. *Voprosy literatury*, 6: 77–99. (In Russ.).
- Luisier, A. (2005). *Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution*. Zürich: Pano Verlag. 301 p. (In Germ.).